

НИКОЛЬ ФОССЕЛЕР

СЕРДЦЕ

*огненной
острова*

ЭКСМО

Москва 2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)
Ф 81

Nicole C. Vosseler

DAS HERZ DER FEUERINSEL

Copyright © 2012 by Nicole C. Vosseler
Copyright 2012 by Wilhem Goldmann Verlag, a division of Verlags
gruppe Random House GmbH, Munchen, Germany

Перевод с немецкого *И. Гиляровой*

Художественное оформление *Д. Сазонова*

Фосселер Н.

Ф 81 Сердце огненного острова / Николь Фосселер ;
[пер. с нем. И. Н. Гиляровой]. — М. : Эксмо,
2013. — 544 с.

ISBN 978-5-699-66890-8

На теплоходе, следующем из Амстердама в Батавию, знакомятся две девушки: мечтательная Якобина ван дер Беек и деятельная Флортъе. Прежде чем их ноги коснутся земли, девушки становятся близкими подругами. Обе мечтают найти в чужом краю счастье и, опьяненные экзотической красотой тропиков, думают, что они попали в рай. Однако чем глубже они заходят в райский сад, тем мрачнее и опаснее оказывается реальность. Пробуждается доселе спокойный вулкан Кракатау, и для подруг начинается решительная борьба не только за дружбу, любовь, но и за спасение собственной жизни.

Роман основан на реальной истории.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)

- © Гилярова И.,
перевод на русский язык, 2013
- © Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66890-8

Есть только один грех,
только одно преступление — это бессердечие.

Мультатули

Посвящается дружбе.
А еще Анне и Карине,
которые всегда рядом со мной.

Этот остров не для мужчин и не для женщин.

СУМАТРА

Яванское море

Телукбетунг

залив
Лампунг

вулкан Раджабаса

Кетимбанг

Себуку

Себеси

Кракатау

Зонаский пролив

Батавия
(теперь Джакарта)

Бейтензорг
(теперь Богор)

вулкан Салак

Расамала
вулкан Гедэ

р. Чилпунг

0 50 км

Индийский океан

I

Тюльпан и Орхидея

Asam di goenoeng, garam di laoet
bertemoe dalam satoe belanga.

*Тамаринд растёт на горе, соль растворена в море,
но встречаются они в горшке.*

1

ак вот он какой — запах свободы. Чистый и свежий, как родниковая вода или как выстиранные и накрахмаленные льняные простыни. Соленый, как морской воздух, вкус которого остается даже на языке. В запахе свободы были и тепло солнца, и морские травы, и даже протяженный, стройный железный корпус, похожий во влажном воздухе на настойку йода, едкую и колючую, прохладную. Почти так же пахли золотисто-коричневые доски палубы, местами еще влажные после утренней уборки, вибрировавшие от сто- на паровых машин, вздрагивавшие под ударами волн.

Нет, это не был кроткий аромат, ласкавший ноздри, — запах балансировал на узкой грани между приятным и резким, к нему подмешивались дым и копоть, клубами вырывавшиеся из пароходной трубы. Вот и свобода тоже всегда соседствует с неизвестностью, требует от тебя смелости. Свобода — всегда прыжок в неизвестность.

Якобина закрыла глаза и вдохнула полной грудью этот запах свободы. Здесь, в открытом море, он был для нее новым по своей силе, но все-таки не совсем чужим. Она сразу его узнала. Этот запах каждый год наполнял светлые, беззаботные летние дни, которые она проводила на морском курорте в Зандворте. Он струился от порта и надолго за- стаивался между каменными фасадами домов. Иногда, при благоприятном ветре, он витал над Амстердамом и, полный романтических обещаний и тревожных предвестий, напо- минал о близком море. Но лишь теперь, когда Якобина поднялась со своими чемоданами на борт парохода, когда с каждым часом, с каждой милей удалялась прочь от своей

старой жизни, плыла навстречу новой, только теперь ей стало ясно, как назывался этот запах.

«Не говори глупости, Бина, — возразил в ее сознании голос Хенрика. — Разве свобода может как-нибудь пахнуть?» Она увидела перед собой старшего брата — в костюме с жилеткой, галстук аккуратно повязан вокруг крахмального воротничка рубашки, ранние залысины, высоко поднятые брови и снисходительная улыбка. Нет, в его улыбке не было насмешки, ведь для этого нужна легкость, на которую ван дер Беек был неспособен. В его венах текла тяжелая кровь, не знавшая никаких волнений и уж тем более страстей. Кровь эта была трезвая, хорошо темперированная, насыщенная незыблемыми жизненными ценностями, унаследованными от предков. Владелец такой крови всегда придерживался традиций, передававшихся от отца к сыну, от матери к дочери, и никогда не давал повода для разочарования. Хенрик был не такой, как Якобина, хотя она никогда не слыла упрямой или непослушной и всегда старалась все делать правильно. Пока постепенно с горечью не поняла, что есть вещи, отсутствие которых никто не прощает, но которые у тебя никогда не получатся, как ни старайся.

«Я свободна». Якобина потянулась навстречу бледному утреннему солнцу, робко гладившему ее щеки, и подставила лицо ветру, чье дыхание слилось с ее собственным дыханием. У нее что-то затрепетало и похолодело под ложечкой, то ли от радостного предвкушения чего-то хорошего, то ли от страха перед собственной смелостью. Сердце учащенно забило от гордости — да! — она способна на такую невиданную храбрость, значит, ее ждет счастье. Она повторяла и повторяла эти слова: «Я свободна. Я свободна».

Но к ее радости постепенно подмешивались тревожные опасения, тяжелые и вязкие, как разлившаяся на воде нефть. Между лопатками побежали мурашки. Якобина уже научилась ощущать спиной любопытные, неодобрительные, даже сочувственные взгляды. Она привыкла к тому, что на нее всегда устремлено множество глаз. И сейчас ей даже не нужно было поворачивать голову, чтобы убедиться в этом.

Флортье наблюдала за незнакомой молодой женщиной, стоявшей у рейлинга на пока еще пустой и тихой верхней палубе, и заметила, как та постепенно избавлялась от скованности. Нерешительно, мало-помалу, она сбрасывала с себя мантию неприступности и замкнутости. Нет, она не казалась невежливой или недружелюбной, но вместе с тем держала всех на расстоянии. И вот теперь она впервые показалась Флортье менее отчужденной. Казалось, она и сама чувствовала облегчение и даже свободу, словно тяготилась той манерой, которую себе выбрала. Впрочем, продолжалось это совсем недолго. Вскоре ее плечи снова напряглись под строгим, приталенным жакетом из серого сукна. Она повернула голову и сумрачно взглянула на Флортье из-под полей шляпки. «Стой там, где стоишь, — говорил этот взгляд. — Оставь меня в покое!»

Флортье мысленно отругала себя за нерешительность, в общем-то, ей не свойственную. Раскаяться в своих словах или поступках она еще успеет, времени впереди много. Что же касается общения с дамами, то тут она привыкла к осторожности. В глазах этой молодой женщины, серых, как зимнее небо над Фрисландией, она пока что не заметила ни искорки злости. Только сдержанное ожидание, терпение и усталость. Ей даже почудилась неуверенность во взгляде из-под опущенных век или в произвольном жесте узкой руки в перчатке. Незнакомка снова отвернулась и посмотрела на море. И снова гордо выпрямленная спина и напряженные плечи ясно говорили сами за себя.

Приятное сознание, что ты одна и никто тебя не видит, бесследно исчезло, мир и покой этого раннего часа были испорчены; но Якобина и не думала никуда уходить. Она больше не собиралась убежать с пылающими щеками, опустив голову, как делала это раньше, в темную комнату, где снова могла дышать свободно. Подальше от всех чванливых, самодовольных гостей, для которых имя Якобины ван дер Беек означало лишь деньги ее отца. Ничего больше. Ведь ничего больше Якобина и не могла предложить.

Ее пальцы сжали рейлинг, словно она хотела во что бы то ни стало защитить свое право быть здесь. Они впились

в него еще крепче, когда за ее спиной послышались быстрые, легкие шаги.

— Доброе утро! — Голос оказался на удивление низким для такой нежной, миниатюрной особы. Этот голос накрывал, подобно тяжелому бархату, ресторан, когда его хозяйка болтала за соседним столиком о разных пустяках. Часто он сопровождался басовитым смехом, порой до неприличия грубым и, вероятно, поэтому заразительным для соседей по столу. Вот и сейчас этот смех окрашивал ее слова, словно портвейн стенки рюмки.

— Роскошная погода, правда?

— Доброе утро, — холодно ответила Якобина. — Да.

— Ты плывешь до Батавии?

Якобина гордо вскинула голову; такое неожиданное «тыканье» скорее удивило ее, чем рассердило. Из-под густых, черных ресниц на нее с любопытством глядели овальные кошачьи глаза — то зеленые, то бирюзовые, как морская волна. Глядели с любопытством, надеждой и обезоруживающим простодушием. Якобина перевела взгляд на море.

— Куда же еще? — пробормотала она, и ее слова прозвучали не так резко, как ей хотелось.

— Ну-у... может... до Александрии? До Адена? Коломбо? Или до Сингапура? — И опять незнакомка напомнила Якобине кошку — тем, как она гибко льнула к рейлингу, перечисляя порты, лежавшие на пути парохода, как ее голые пальцы гладили железную поперечину, медленно приближаясь к руке Якобины.

Якобина непроизвольно попятилась и опустила руки.

— Нет, я останусь на пароходе до Батавии.

— О-о, и я тоже! Между прочим, меня зовут Флортье.

Флортье Дреессен.

Якобина с недоумением посмотрела на руку, протянутую ладонью кверху, словно Флортье что-то настойчиво ей предлагала. Сливочно-белая и нежная, почти прозрачная кожа на лице девушки так не походила на бледную кожу Якобины, которая легко приобретала сероватый оттенок. Тем не менее Флортье гуляла по палубе без шляпы. Казалось, ее вовсе не волновало, что солнце испортит ей цвет

лица, как не волновало и то, что ветер трепал ее густые каштановые пряди. Наоборот, она облегчила ему задачу, скрепив лишь часть своих волос в филигранной петле на затылке, остальные волосы волнами и кольцами падали ей на спину. Никакого сравнения с ее собственными льняными волосами, они моментально выгорали на солнце и, если не следить за ними, делались жесткими как солома. И снова Якобина обратила внимание, какая юная эта девица Дреэссен, почти девочка. И хорошенькая, такая хорошенькая, что брала досада. Больше всего сейчас Якобине хотелось резко повернуться и уйти, не сказав в ответ ни слова. Но хорошее воспитание не позволяло ей это сделать.

— Якобина ван дер Беек. — Какой крошечной и хрупкой показалась ей рука Флортъе в ее собственной ладони, несмотря на неожиданную силу, с которой та вцепилась в нее. Якобина поспешно убрала руку.

— Вообще-то, я шла к капитану. Он обещал устроить для меня экскурсию по пароходу. Даже показать машинное отделение! — Глаза Флортъе сверкали, словно аквамарин. — Хочешь пойти со мной?

— Нет, спасибо. Очень любезно с твоей стороны, но я не пойду, — вежливо ответила Якобина. Ее раздражали такие великодушные приглашения, после которых она чувствовала себя обязанной людям.

Брови Флортъе взлетели на лоб — две дуги, нарисованные коричневой тушью.

— Почему? — воскликнула она. — Что, разве у тебя есть какие-то срочные дела? Пойдем! Ведь будет весело!

— Нет, спасибо. Я правда не хочу, — твердо ответила Якобина и взглянула на солнце. Оно поднялось еще выше и теперь заливало палубу светом, похожим на растопленное сливочное масло.

— Ах, пожалуйста! — Флортъе даже подпрыгнула и топнула для убедительности ногой. — Не ломайся! Пойдем! Вдвоем ведь гораздо веселее!

— Нет, я... — начала было Якобина, но слова застряли в горле. Флортъе решительно схватила ее за руку и потащила за собой.